

Мурзакевич Никифор Адрианович

История города Смоленска

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н62

Н62 **Никифор Адрианович М.**
История города Смоленска / Мурзакевич Никифор Адрианович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 248 с.

ISBN 978-5-519-98201-6

ISBN 978-5-519-98201-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

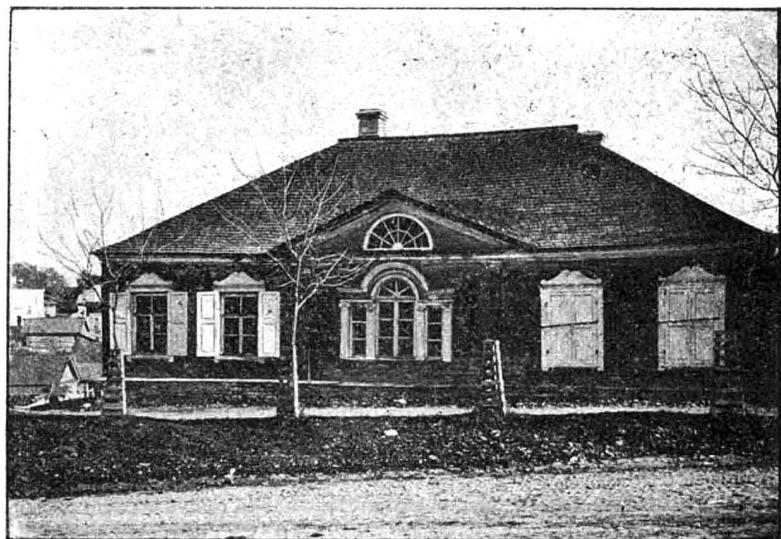
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

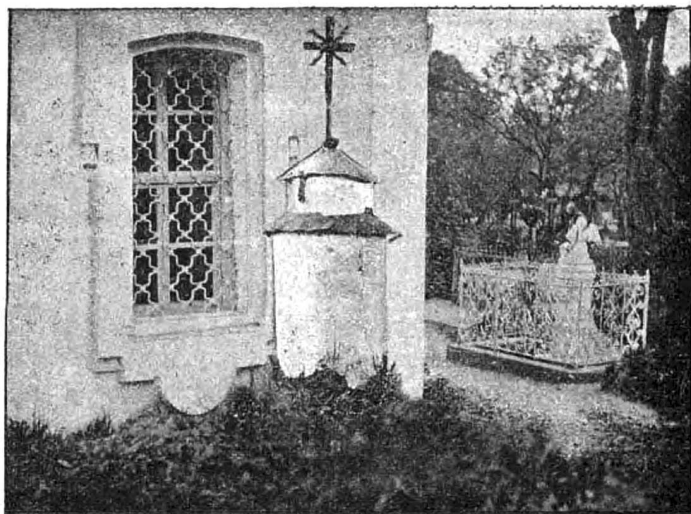

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Домъ св. Н. А. Мурзаневича.

Надгробный памятникъ Н. А. Мурзаневича въ Окопѣ.

На могилу Н. А. Мурзакевича.

Намъ дорога твоя могила,
Какъ память о минувшихъ дняхъ,
Когда былъ вражескою силой
Родной Смоленскъ поверженъ въ прахъ.

Бытописатель его славы,—
Ты раздѣлилъ съ нимъ вражій плѣнъ
И не покинулъ въ часть кровавый
Его многострадальныхъ стѣвъ!

Въ пылу огня, въ разгарѣ битвы,
Гдѣ Смерть воздвигнула свой тронъ,
Къ страдальцамъ ты принесъ молитвы
И принять ихъ послѣдній стонъ.

Передъ любимцемъ гордымъ рока
Въ убогомъ рубищѣ своемъ
Предсталъ ты съ ревностью пророка,—
И пощадилъ онъ Божій домъ.

Не сладость дружескихъ объятій
Тебѣ наградою была,
А клевета твоихъ собратій
И душъ завистливыхъ хула.

Но солнце правды побѣдило,—
И ложь разсыпалась въ прахъ:
Намъ дорога твоя могила,
Какъ память о минувшихъ дняхъ.

1840 г. 17 Мая.

Священник Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ

(1769 + 1834 г.).

Родоначальникомъ фамиліи Мурзакевичей былъ одинъ Крымскій Мурза, взятый въ плѣнъ княземъ Вас. Вас. Голицынымъ во время второго Крымскаго похода въ 1687 г. Юный Мурза былъ окрещенъ въ Москвѣ въ христіанскую вѣру, воспринять отъ купели Царевною Софією и княземъ В. Голицынымъ и названъ въ честь крестнаго отца Василиемъ, по прозвищу «Мурзинимъ». Василій Мурзинъ пристроился въ числѣ «служилыхъ людей разныхъ чиновъ» при «государевѣ дворѣ», существовавшемъ въ Смоленскѣ возлѣ Ильинской церкви; и нерѣдко исполнялъ разныя порученія царя Петра и царевича Алексѣя. Сына своего Адріана, Василій Мурзинъ опредѣлилъ въ только что открытую въ 1728 г. Смоленскую Семинарію. Окончивъ ее, Адріанъ Васильевичъ сдѣлался священникомъ и проповѣдникомъ при кафедральномъ соборѣ. При встрѣчѣ Екатерины II-й въ 1780 г. семинаристы въ мантияхъ и съ вѣнками на головахъ пѣли царицѣ гимнъ, составленный и положенный на ноты о. Адріаномъ.

2-го іюня 1769 года у него родился сынъ Никифоръ. Выросши подѣ влияніемъ отца, Никифоръ выглядывалъ гораздо развитѣе своихъ сверстниковъ. Онъ много читалъ и десяти лѣтъ поступилъ въ семинарію съ запасомъ свѣдѣній изъ русскаго и латинскаго языковъ, полученнымъ еще въ отцовскомъ домѣ. Пройдя три семинарскихъ класса (аналогію, инфиму и грамматику), Никифоръ долженъ былъ выйти изъ 4-го — синтаксиса, такъ какъ въ это время неожиданно умеръ о. Адріанъ, и семья его осталась безъ всякихъ средствъ. Въ 1783 году, 14-ти лѣтъ отъ роду, Никифоръ, былъ опредѣленъ св. Парфеніемъ въ Богоматерскую церковь «псаломщикомъ», а въ 1799 г.

женился на дочери Вяземскаго соборнаго священника и, во вниманіе къ заслугамъ отца, посвященъ былъ сначала въ иподіакона, а потомъ и въ діакона къ кафедральному собору. Покрытая бѣдность царяла въ маленькомъ дяконскомъ домикѣ на Рѣзвицкой. Домикъ этотъ купила еще вдова о. Адриана на средства, оставшіяся отъ продажи «лишняго» имущества покойнаго.

Весь доходъ Никифора составляли ничтожныя подачки за требы да 25 р. въ годъ штатнаго жалованья; на нихъ онъ содержалъ всю свою семью, состоявшую изъ старушки матери, жены и 6 человекъ дѣтей! Но бѣдность не погасила въ Никифорѣ «духа живого». Все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію книгъ, желая пополнить этимъ свое образованіе.

Особенно привлекала его родная исторія. Хорошій его знакомый, племянникъ еп. Пароенія, ссужалъ его книгами изъ прекрасной епископской бібліотеки. Даже изъ собственныхъ скудныхъ средствъ Никифоръ иногда покупалъ книги на базарѣ у старьевщиковъ. Здѣсь ему попалась рукописная исторія Смоленска, составленная іеромон. Шупинскимъ къ пріѣзду Екатерины II-й. Недостатки этой «исторіи» навели его на мысль заняться самому составленіемъ болѣе полной и подробной исторіи Смоленска. Онъ сталъ дѣлать выписки изъ попадавшихся ему книгъ, собирать рукописи и документы. Епископъ Пароеній, узнавъ про его занятія, предоставилъ ему свою бібліотеку и собственноручныя выписки, касающіяся Смоленской старины, и допустилъ его въ консисторскій архивъ. Съ жаромъ принялся Никифоръ за работу, не смотря на насмѣшки сослуживцевъ надъ «неученымъ» діаконъ-историкомъ.

6-го Марта 1795 года епископъ Пароеній умеръ, и для Никифора настали тяжелыя времена. Въ архивъ его теперь уже не пустили, насмѣшки собратій усилились. Новый еп. Димитрій не обратилъ вниманія на Никифора и даже посмотрѣлъ на занятія своего діакона неблагосклонно. «Много разъ, говоритъ Никифоръ въ дневникѣ, падалъ я со скамьи отъ изнеможенія и частаго кровотеченія, но не падалъ духомъ». Въ это тяжелое время само Провидѣніе пришло къ нему на

помощь. Въ 1801 году чрезъ Смоленскъ проѣзжали въ заграничные университеты студенты Московскаго университета: Двигубскій, Кайсаровъ и Тургеневъ. Въ числѣ «достопримѣчательностей» Смоленска имъ указали и на діакона-историка. Они разыскали его убогій домишко и, познакомившись съ Никифоромъ, обѣщали помочь ему.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ когда Никифоръ сталъ уже забывать объ этомъ обѣщаніи, ему принесли съ почты повѣстку на какую-то посылку. Это были книги, посланныя изъ Москвы отъ имени вице-канцлера графа Ѳ. А. Остермана: Исторія Россіи Татищева и Щербатова, Штритеръ, лѣтопись Никоновская, Синописъ, Вивлюевика и др. Все это слалъ ему въ даръ ректоръ Московскаго университета Ив. Петр. Тургеневъ, состоявшій членомъ Новиковскаго ученаго «Дружескаго Общества». Съ удвоеннымъ усердіемъ принялся теперь Никифоръ за свой трудъ и къ 1803 году закончилъ его.

Съ переписанной набѣло рукописью отправился онъ къ епископу Димитрію въ тайной надеждѣ получить отъ него содѣйствіе на изданіе книги. Но епископъ возвратилъ ему рукопись «съ выговоромъ и бранью». — «Этимъ слѣдуетъ заняться не тебѣ, но ученому человѣку и опытному», сказалъ онъ въ заключеніе и рѣшительно отказалъ Никифору въ пособіи на изданіе ея. Не найдя поддержки у своего епископа, Никифоръ обратился къ гражданскому губернатору Д. Я. Гедеонову, а тотъ представилъ его рукопись генераль-губернатору Апраксину, человѣку доброму и «просвѣщенному боярину».

Апраксинъ распорядился напечатать въ губернской типографіи на свой счетъ 600 экземпляровъ книги, которыя и подарилъ автору.

Въ 1803 году вышла, наконецъ, въ свѣтъ *„Исторія губернскаго города Смоленска, собранная изъ разныхъ лѣтописей и російскихъ дѣписателей трудами діакона Никифора Мурзакевича“* въ 4-хъ книгахъ. Она быстро разошлась по подпискѣ и вскорѣ потребовалось новое изданіе.

Съ экземпляромъ только что отпечатанной своей книги отправился Никифоръ къ епископу, прося его милостиво принять его трудъ. Видя, что изданіе состоялось безъ его участія

и одобренія, епископъ сказалъ: — «Я не хочу имѣть при себѣ сочинителя. Ищи себѣ другое мѣсто». Узнавъ же, что готовится 2-е изданіе книги, епископъ призвалъ къ себѣ автора и вручилъ ему свой послужной списокъ для напечатанія его въ Исторіи Смоленска наряду съ сочувственнымъ отзывомъ Никифора о своемъ покровителѣ, епископѣ Пароеніи.

Для второго изданія городское общество, по внушенію Апраксина, дало отъ себя бумагу и подписались на 100 экземпляровъ книги; губернаторъ подписался на 6 экземпляровъ; со всѣхъ сторонъ, отъ горожанъ и помѣщиковъ постоянно получались требованія на книгу.....

Между тѣмъ при Одигитріевской церкви открылось мѣсто священника, и Никифоръ подалъ прошеніе о назначеніи его на это мѣсто. Епископъ благосклонно отнесся къ этой просьбѣ и 16 Апрѣля 1803 года рукоположилъ его во священника въ Одигитріевской церкви.

Въ слѣдующемъ 1804 году вышло 2-е изданіе «Исторіи Смоленска», гдѣ была прибавлена 5-я книга, съ грамотами русскихъ, польскихъ и литовскихъ государей, данными Смоленску.

На время счастье улыбнулось Никифору. Апраксинъ переслалъ книгу синодальному оберъ-прокурору Голицыну, а тотъ представилъ ее Императору Александру I-му, который велѣлъ выдать автору 500 р. изъ кабинета Е. В. Кроме того, Смоленское дворянство и граждане ссудили о. Никифору болѣе 1,500 рублей, и это дало ему возможность купить за 2100 р. домъ у купца Квѣцинскаго, за алтаремъ Одигитріевской церкви. Домъ этотъ сохранился въ неприкосновенности и до сихъ поръ какъ снаружи, такъ и внутри ¹⁾.

Такимъ образомъ труды о. Никифора увѣнчались успѣхомъ, но этотъ успѣхъ вызвалъ еще большую зависть собратіи по сану, удивлявшихся, «какъ неученый попалъ въ писатели». Сослуживцы о. Никифора называли его между собою не иначе, какъ «сочинителемъ», распускали про него всевозможныя сплет-

¹⁾ Овъ принадлежитъ звуку о. Никифора, протоіерея 72-го Тульского пѣхотнаго полка, Павлу Іоанновичу Мурзавечу, живущему въ посадѣ Новая Александрія Любл. губ. Единственной обитательницей его теперь является внучка Никифора, Александра Игнатьевна Жукова.

ни и писали по начальству жалобы. Всѣ эти жалобы хранятся въ консисторскомъ архивѣ и представляютъ любопытный образчикъ стариннаго крючкотворства и кляузничества, совершенно не касаясь чести и добраго имени Мурзакевича ¹⁾. Всѣ онѣ оканчивались оправданіемъ Мурзакевича и внушеніемъ кляузникамъ—не беспокоить епархіальную власть неосновательными жалобами; но всѣ онѣ, конечно, доставили не мало непріятностей о. Никифору.

Наступилъ 1812 годъ. Въ самомъ началѣ его (4 Марта) умерла отъ чахотки жена о. Никифора, оставивъ на рукахъ его 7 человекъ дѣтей малъ—мала меньше и дряхлую старушку мать. По словамъ его сына Ивана, о. Никифоръ послѣ этого впалъ въ задумчивость и какое-то равнодушіе. Было замѣтно, что бывши до того времени трудолюбивымъ писателемъ, онъ только объ одномъ теперь заботится, какъ бы устроить и учить своихъ дѣтей, тогда какъ при жизни жены вся работа о домашнемъ благосостояніи лежала на ея попеченіи..... Не оставляли въ покоѣ и «собратья по сану». Пріѣхавшій въ Вербное воскресеніе епископъ Приней, мужъ ученый, затворникъ, оцѣнилъ труды Никифора и хотѣлъ наградить его саномъ протоіерея. Но нѣкоторые члены консисторіи представили епископу, что Мурзакевичъ и безъ того награжденъ и «какъ неученый» не можетъ быть удостоенъ протоіерейскаго сана.

Нашествіе французовъ застигло Смоленянъ въ располхъ ²⁾. Полагаясь на увѣренія главнокомандующихъ, Смоленяне и не подозрѣвали, что опасность близка. Только въ самый послѣд-

¹⁾ Вотъ образчикъ такой кляузы. Въ 1807 г. директоръ Кадетскаго корпуса, Кетлеръ, пригласилъ М. быть духовникомъ кадетъ и служить тамъ. Въ награду за трехлѣтніе его труды Кетлеръ далъ ему 75 р. Младшій священникъ Головкинъ потребовалъ эти деньги въ раздѣлъ. По его жалобѣ, М. не смотря на всѣ доводы Кетлера, былъ обвиненъ въ „удержаніи“ денегъ, обязанъ выдать петрудинскому Головкину часть ихъ и низведенъ въ младшіе священники. Только преосв. Іоасафъ въ 1814 г. пересмотрѣлъ это дѣло и оправдалъ Мурзакевича.

²⁾ Болѣе подробное описаніе этого времени см. въ нашей біографіи Мурзакевича (Русская Старина 1903 г. № 4, 5, 6) и книгѣ „Смоленская Стѣна“ (Смоленскъ 1903 г.).

ній моментъ, 3-го и 4-го Августа началось повальное бѣгство жителей изъ Смоленска. Мурзакевича и здѣсь преслѣдовала неудача: у него украли со двора только что купленную лошадь. и онъ со всѣмъ семействомъ долженъ былъ остаться въ Смоленскѣ вмѣстѣ съ немпогими его обитателями, представителями бѣдныхъ классовъ общества, — тѣми которыхъ позднѣйшій историкъ Смоленска, Никитинъ, называетъ «людьми безъ имени». Люди «съ именемъ», обладавшіе, кромѣ того, еще собственными экипажами, слугами, лошадьми, въ числѣ первыхъ покинули Смоленскъ, не смотря на данныя начальству подписки и обязательства не только отложить страхъ предъ врагомъ, но и самимъ «наносить ему великій вредъ и ужасъ».

Не смотря на всѣ бѣдствія, испытанныя во время осады Смоленска, 4-го и 5-го числа, о. Никифоръ не могъ, по своей впечатлительной и дѣйствительной натурѣ, оставаться въ эти дни простымъ зрителемъ.

Власти всѣ разѣхались, церкви были оставлены на произволъ судьбы. Изъ священниковъ въ городѣ остался только Спасскій о. Яковъ Соколовъ, которому нечего было терять, да въ соборѣ лежалъ смертельно больной соборный священникъ Василиій Щировскій. Само собою какъ-то случилось такъ, что Мурзакевичъ сталъ на виду у всѣхъ. Къ нему обращаются военные съ просьбой напутствовать во время боя раненыхъ, на него надѣются несчастные обитатели собора, его зовутъ отбивать у французовъ соборныя драгоценности, онъ смѣло ходатайствуетъ передъ королемъ Мюратомъ о пощадѣ церквамъ и святынь, къ нему же относится съ своими заявленіями и требованіями временное французское правительство Смоленска.

Не приводимъ подробностей о событіяхъ этого времени и участія въ нихъ Мурзакевича. Онѣ достаточно полно изложены какъ самимъ имъ въ его дневникѣ, такъ и въ неизданной его біографіи, составленной Іоанномъ Никифоровичемъ ¹⁾ и засвидѣтельствованы официально военными и судебными властями того времени.

¹⁾ Къ сожалѣнію, рукопись его до сихъ поръ не издана случайнымъ собственникомъ ея.

Достаточно сказать, что благодаря о. Никифору въ бѣдственные дни нашествія французовъ несчастные горожане получали христіанское утѣшеніе въ богослуженіи и молитвѣ, а раненые и умирающіе защитники Смоленска — напутствіе Св. Дарами въ вѣчную жизнь. Его заботами спасенъ былъ отъ разоренія Соборъ, Троицкая и Одигитріевская церкви, сохранена соборная ризница и церковныя святыни, имущество архіерейскаго дома и многихъ горожанъ, освобождены на волю русскіе плѣнники, въ томъ числѣ протоіерей Звѣревъ. О. Никифоръ своими бѣдами облегчилъ послѣдніе дни жизни несчастнаго П. И. Энгельгардта, онъ же принялъ послѣдній его вздохъ и совершилъ надъ тѣломъ его христіанскій обрядъ погребенія. Его величественная фигура, горячая рѣчь, энергія и любовь къ родному населенію производили сильное впечатлѣніе на французскія власти, и невольно проникаясь уваженіемъ къ доброму пастырю, они охотно удовлетворяли его ходатайство и удерживали своихъ подчиненныхъ отъ излишней жестокости и обидъ по отношенію къ горожанамъ. За свое мужество о. Никифоръ поплатился своимъ здоровьемъ: онъ перенесъ не мало побоевъ отъ мародеровъ, а ударъ шпорой въ бокъ давалъ ему себя помнить до самой смерти. Голодъ, болѣзни, тѣснота и другія бѣдствія вырвали изъ его семьи 5 членовъ: мѣнѣе, чѣмъ въ годъ умерли въ его домѣ мать, тетка, двѣ дочери и воспитанница. Имущество его было разграблено, домъ занятъ казеннымъ постоемъ.

Но всѣ эти бѣдствія были ничтожны передъ тѣмъ, что угрожало ему впереди. 27-го Октября французскій губернаторъ Смоленска потребовалъ, чтобы палочное духовенство городское встрѣтило бѣжавшаго изъ Москвы Наполеона. Напрасно отговаривался Мурзакевичъ... Въ концѣ концовъ, опасаясь гнѣва Наполеона и разрушенія собора и храмовъ и не видя особаго преступленія въ вынужденной встрѣчѣ *побѣжденнаго* врага, Мурзакевичъ съ Звѣревымъ и Соколовымъ пошли къ Днѣпровскимъ воротамъ. Не надѣвая ризъ продрогли они здѣсь на морозѣ часа 2 и разошлись по домамъ, не дождавшись Наполеона.

«Вшествіе» его въ Смоленскъ произошло неожиданно на другой день. Мурзакевичъ въ это время шелъ съ просфорой къ

больному мѣщанину. Увидѣвъ собирающагося на обледеилюю гору Наполеона, онъ растерялся, спялъ шапку и сунулъ ему въ руку черствую просфору. Наполеонъ спросилъ: «попъ?» и пошелъ дальше. На улицѣ были только французы, русскіе же совершенно не знали о прибытіи Наполеона и не видали его, такъ что о «ястрѣчѣ» Наполеона не могло быть и рѣчи. Но не такъ взглянули на это духовныя власти.

Какъ только 5-го ^{1525/9} ~~Апрѣля~~ послѣдніе французы были изгнаны изъ Смоленска понемногу въ городъ стали съѣзжаться духовныя лица и люди съ именемъ скрывавшіеся дотолѣ въ безопасныхъ мѣстахъ. Торжество русскаго оружія было очевидное, и вотъ все общество сразу прониклось необыкновенно громкимъ, хотя и нѣсколько запоздалымъ героизмомъ и патріотизмомъ. Еще громче высказывалась ненависть къ непріятелю и къ измѣнникамъ отечеству, которыхъ теперь отыскивали съ большимъ даже усердіемъ, чѣмъ передъ нашествіемъ французовъ. Указать «измѣнника» считалось патріотическимъ подвигомъ для людей, у которыхъ раньше не хватало смѣлости и силы духа на дѣйствительные подвиги.

Занятіе это было небезвыгодное и легкое, ибо измѣнниками были признаны всѣ люди «безъ имени», остававшіеся, согласно вѣрноподданнической присягѣ, на своемъ мѣстѣ и поэтому употребленные временнымъ французскимъ правительствомъ въ разныя дѣла подъ страхомъ смерти за ослушаніе. И вотъ въ то время, какъ Императоръ Александръ, преисполненный вѣрой и благоговѣніемъ предъ величіемъ и милостію Бога-Спасителя, даровалъ немедленно полное прощеніе измѣнникамъ—полякамъ, съ негодованіемъ отвергнувъ мысль даже о конфискаціи ихъ имуществъ; въ то время какъ онъ, забывъ измѣну своего прежняго союзника—прусскаго короля, идетъ спасать отъ Наполеона и Пруссію, и всю Европу, расточаетъ всюду милость и ласки, въ это самое время на родинѣ сотни несчастныхъ были брошены въ тюрьмы по обвиненію въ измѣнѣ. Почти 2 года особыми комиссіями разбирались дѣла о нихъ, пока, наконецъ, 30 Авг. 1814 г. не послѣдовалъ всеми-